

А.В. Ястребцева

воливший ввести нормативный порядок в дискурс о воспитании. Что тогда может произойти с человеком и миром, описываемым сегодня нередко в терминах «разочарования» и «расколдования мира»³⁹⁵, «смерти Бога», когда забота о детстве все больше покидает сферу коллективных представлений и публичных дискуссий, а все чаще находит место лишь в частных представлениях отдельных мыслителей?

Ю.П. Зарецкий

История субъективности и история автобиографии: важные обновления

Аннотация. В статье рассматриваются новые теоретические основания исследований «истории субъективности» и «истории автобиографии» как двух взаимосвязанных тем. Во вступительной ее части обозначаются основные черты традиционной модели изучения этих тем, сложившиеся в гуманитарных науках второй половины XIX – первой половины XX в. Основная часть рассматривает теоретические новации последних десятилетий, оказавшие наиболее заметное влияние на современные исследования в этой области: складывание конструкционистской модели субъекта, разработка концепта «автобиографического субъекта», появление новых маркировок предмета исследований, рассмотрение «истории субъективности» и «истории автобиографии» в меж- и транскультурной перспективе, интерпретация автобиографических текстов как социальных практик.

Традиционная модель изучения автобиографических свидетельств основывается на трех исходных посылках: 1) история индивида (личности, Я, субъекта) и история автобиографии неразрывно, «естественным образом», связаны: трансформации индивида во времени имеют своим следствием трансформации порождаемых им автобиографических форм; 2) это развитие имеет прогрессивный характер: чем ближе к нашему времени, тем более развитой и сложной становится его личность и ее автобиографические свидетельства; 3) несмотря на свою историческую изменчивость, индивид (личность, Я, субъект) по своей сути являются онтологическими субстанциями.

Первое ее обновление нашло отражение в изменении терминологического аппарата исследователей. В результате его на смену ранее общеупотребимым понятиям стали приходить новые, конкурирующие с прежними: *egodocument, Selbstzeugnis, l'écrit du for privé, life-writing*. Второе

³⁹⁵ Выражение «расколдование мира» впервые было использовано М. Вебером в докладе «Наука как призвание и профессия» [1918 г.]. Затем термин широко использовался Ч. Тейлором, предложившим ему другое понятие при описании эпохи модерна – «эрэ секуляризации» (см. Taylor Ch. *A Secular Age*. Cambridge et Londres: The Belknap Press of Harvard University Press, 2007).

Ю.П. Зарецкий

непосредственно связано с проблематизацией понятия субъекта в постклассической философии и, соответственно, переосмыслением традиционной трактовки отношений между субъектом и автобиографией. «Самоочевидная» связь между автобиографическим рассказом и его создателем превратились в проблему. Третье сопряжено с критикой западоцентризма в изучении истории субъективности, начавшейся в 1980-е гг. под влиянием антропологических и постколониальных исследований. Главная его мысль состоит в том, что автобиографические свидетельства необходимо рассматривать в тех конкретных историко-культурных контекстах, в которых они появлялись и функционировали, а их создание – как особые формы человеческой деятельности, в том или ином виде присущие разным историческим периодам и культурам. Последнее из обновлений предлагает уделять пристальное внимание находящейся «за» автобиографическими текстами социальной действительности, не только порождающей их смыслы, но и само ихявление.

ключевые слова: история, субъект, Я, индивид, личность, автобиография

J. Zaretsky

The History of Subjectivity and the History of Autobiography: Important Updates

Abstract. The article traces new theoretical approaches to the study of the history of subjectivity and the history of autobiography as two interdependent topics. Its introductory part sketches some basic characteristics of the traditional approach to these topics originated in the humanities of the second half of the nineteenth and the first half of the twentieth centuries. The main part of the article introduces theoretical novelties that most strongly affected new scholarship of the field: emergence of the constructivist concept of the subject; development of the model of “autobiographical subject;” occurrence of new signifiers of the research subject; viewing both “the history of subjectivity” and

История субъективности и история автобиографии...

“the history of autobiography” in inter- and transcultural perspectives; and interpretation of autobiographical texts as social practices.

The traditional approach is based on three main assumptions: 1) the history of the individual (personality, the self or subject) and the history of autobiography is inseparably, «naturally» linked to each other: transformations of the individual in time results in transformations of autobiographical forms it produces; 2) this development has progressive character: closer to our own time his self becomes more advanced and complex, as well as autobiographical testimonies it produces; 3) despite of its historical variability, the individual (personality, the self or subject) are essentially ontological substances.

The first update of this approach is mirrored in terminological changes. Instead of earlier common notions, researchers started using new ones that compete with traditional: *egodocument*, *Selbstzeugnis*, *l'écriv du for privé*, *life-writing*. The second update is directly connected to problematization of the subject in post-classical philosophy and, correspondingly, to reconceptualization of traditionally accepted relations between the subject and autobiography. It treats the earlier “self-evident” relations between the autobiographical narrative and the subject as a problem. The third is linked to the critics of Eurocentrism in the study of the history of subjectivity that started in 1980-s under the influence of anthropological and postcolonial studies. It proposes to approach autobiographical testimonies in the concrete historic and cultural contexts of their appearance, and their composition as special forms of human activity more or less common to all historical periods and cultures. The final update suggests paying a special attention to the social reality beyond the texts and argues that this reality not only shapes their meanings but their very appearance.

key words: history, subject, Self, individual, person, curriculum vitae

В предисловии к вышедшему в 1997 г. сборнику статей, представляющих новые направления в изучении

истории субъективности, известный британский историк науки Рой Портер убеждал своих читателей: «пришло время переосмыслиния “великой саги становления Я”, унаследованной нами от предшественников»³⁹⁶. Не вызывает сомнений, что когда сборник готовился к печати, это переосмыслиние уже шло полным ходом, однако его основные направления и тем более результаты еще не были сколь-нибудь отчетливо видимы. Сегодня ситуация изменилась: целый ряд исследований последнего времени дают возможность очертить – хотя бы пунктироно – некоторые из произошедших в ходе этого переосмыслиния новаций. В предлагаемом обзоре будут рассмотрены те из них, которые относятся к двум взаимосвязанным сюжетам: «истории субъективности» и «истории автобиографии» (эти новации обозначены в нем как «обновления»). За точку отсчета принимается традиционная модель их изучения, сложившаяся в конце XIX – первой половине XX в. и сегодня по-прежнему доминирующая в социально-гуманитарном знании (она обозначается как «старая версия»).

Старая версия

Индивидуализм-индивиду-индивидуальность. В основе этой традиционной модели лежит представление об особом индивидуалистическом характере европейской культуры, который принципиально отличает ее как от более ранних европейских культур, так и от культур неевропейских. Появление этого представления было одним из результатов поворота, начавшегося в эпоху Прогрессии и завершившегося в первой половине – середине XIX в. Важнейшим его основанием стали идеи Просвещения, в частности, признание за каждым чело-

веческим индивидом врожденных и неотъемлемых прав и свобод, придававшее абсолютную значимость индивидуальной личности. Позднее в европейской интеллектуальной традиции сложилась идея самоценности каждого человека, согласно которой он признавался значимым сам по себе, а не потому, что является частью какой-либо общественной группы: крестьянином или правителем, членом семейного клана, купеческой гильдии и т.п. Вслед за утверждением этой идеи последовало признание неповторимости каждого отдельного человека, наличие у него собственного уникального «внутреннего мира».

Ученые XIX – начала XX в., впрочем, связывали рождение новой индивидуалистической личности с разными историческими обстоятельствами. Его соотносили с Великой французской революцией (Алексис де Токвиль), капитализмом (Карл Маркс), ранним христианством и евангельской этикой (Эрнст Трельч), культурой Возрождения (Жюль Мишле, Якоб Буркhardt), протестантской (в особенностях кальвинистской) этикой (Макс Вебер), эстетикой романтизма (Георг Зиммель). Впоследствии наиболее влиятельным объяснением появления новоевропейского индивида стала модель «открытия индивида», предложенная Якобом Буркхардтом в его знаменитом труде о культуре Возрождения в Италии³⁹⁷.

Центральный тезис швейцарского историка заключался в том, что появление человека современного индивидуалистического типа произошло в Италии эпохи Возрождения, и именно оно знаменует начало Нового времени. В XX в. модель Буркхардта оказала огромное влияние на осмысление европейцами общего хода своей истории. Пережив серьезную, порой уничтожающую

³⁹⁶ Porter R. Introduction // *Rewriting the self: histories from the Middle ages to present* / Ed. Roy Porter. L., 1997. P. 8.

³⁹⁷ Burckhardt J. *Die Cultur der Renaissance in Italien*. Basel, 1860.

критику, она продолжала оставаться наиболее влиятельной у гуманитариев самых разных направлений более столетия (и, по-видимому, остается таковой и сегодня). Кказанному важно добавить, что ни Буркхардт, ни его последователи, описывая революционные изменения итальянского общества XIV-XVI вв., порожденные явлением в мир новой индивидуалистической личности, не стремились к терминологической точности и не делали различий между понятиями «человек», «индивиду», «индивидуальность», «Я», «субъект». Главным для них было показать различные, революционные по своему характеру, проявления нового индивидуалистического человека, свидетельствующее о произошедшем в ренессансную эпоху глубинном сдвиге в истории европейской цивилизации.

История автобиографии как история индивидуализма. Описывая исторический процесс обособления европейского индивида из коллективного целого и трансформации его внутреннего мира, историки, философы, социологи основывались на самых разных свидетельствах – от богословских трактатов до произведений живописи. Однако большинство их вслед за Буркхардом в качестве наиболее информативных документов использовали биографии и автобиографии (последние – наиболее часто). Изучение ими автобиографических свидетельств основывалось при этом на трех исходных посылках. Первая – история индивидуализма (варианты: субъективности, Я, индивидуальности, личности) и история автобиографии неразрывно, «естественным образом», связаны, причем эта связь однозначна: трансформации индивида во времени имеют своим следствием трансформации порождаемых им автобиографических форм. Вторая – это развитие имеет хотя и неравномерный, но безусловно прогрессивный характер: чем ближе к нашему времени, тем более обособленным становится индивид и тем более развитой и сложной стано-

вится его личность (соответственно, то же самое происходит и с автобиографическими текстами, в которых она находит отражение). Наконец, третье – индивид/личность/Я/субъект, несмотря на их историческую изменчивость, по своей сути являются онтологическими субстанциями: в том или ином виде они всегда присутствуют в человеческом обществе, являясь источником само/сознания каждого отдельного человека.

Именно из этих посылок исходит знаменитая «История автобиографии» Георга Миша³⁹⁸, охватывающая сотни сочинений, созданных на протяжении трех тысячелетий. Главным предметом интереса в ней является не автобиография как литературная форма, а великий общечеловеческий процесс становления индивидуалистической личности, нашедший наиболее полное и яркое выражение в западном мире. Что касается общих изменений автобиографических форм (и, соответственно, лежащих в их основе «структур индивидуальностей»), Миш использует для их обозначения формулу «открытия индивида» Буркхардта, однако не связывает это «открытие» исключительно с итальянским Ренессансом. Он утверждает, что нечто подобное, хотя и менее значительное по своим последствиям, происходило и в двух других более ранних культурах: библейской и античной.

Написанное почти через семьдесят лет после выхода первого тома труда Миша исследование по истории европейской автобиографии К. Вейнтрауба «Значение индивида: личность и обстоятельства в автобиографии» также исходит из того, что автобиография является важнейшим источником, позволяющим проследить историю самосознания европейской личности. Вейнтрауб разделяет мнение своих предшественников о том, что

³⁹⁸ Misch G. Geschichte der Autobiographie. Leipzig, 1907 – Frankfurt/M. 1969. 4 Bde.

человеческая индивидуальность существовала всегда, и что в один прекрасный момент – в эпоху Возрождения – она заявила о себе «в полный голос». Однако расставляет акценты несколько иначе, чем Буркхардт и Миш: новоевропейская личность в результате серии трансформаций появляется только к началу XIX в. Задачу изучения автобиографических сочинений он, соответственно, видит в том, чтобы «проследить постепенное появление некоторых наиболее важных факторов», способствовавших рождению современной концепции Я³⁹⁹.

Критика традиционной модели. Начиная с 80-х годов прошлого века эта господствующая модель стала все чаще подвергаться критике. Причем в числе критиков оказалось немало представителей обычно считающегося консервативным и не склонным к теоретизированию «щеха» историков.

Одним из наиболее последовательных среди них стал известный специалист по культуре раннего Нового времени Питер Берк, который, солидаризируясь с Роем Портером, призвал к пересмотру традиционных подходов к истории европейского индивида и его самосознания. Для такого пересмотра, по его мнению, сложились три группы оснований: «географические», «социологические» и «хронологические». «Во-первых, – разъясняет историк, – мы не можем признать уникальность западного Я без изучения японских автобиографий, китайских портретов и так далее. ... Во-вторых, существует социологическая проблема: чьего Я? Примеры Буркхардта были взяты из жизни незначительного меньшинства итальянцев, преимущественно мужчин, принадлежащих к господствующему классу. В-третьих, противово-

История субъективности и история автобиографии...

поставление Буркхардтом Ренессанса и Средневековья было слишком резким»⁴⁰⁰.

Берк также обратил внимание на необходимость уяснения историками очевидной проблематичности использования категории Я и тех теоретическихсложнностей, которые были неведомы Буркхардту. Для швейцарского историка, замечает он, основные источники понимания ренессансного человека казались вполне прозрачными, т. е. напрямую говорящими о некоем статичном Я, действующим «за фасадом» текста или картины. Однако такое понимание субъективности было подорвано наукой XX столетия: многие влиятельные исследования последних его десятилетий не считают возможным рассматривать ее как имманентную часть реальности. Они свидетельствуют о «формировании», «конструировании» или даже «изобретении» Я, понимаемого как лингвистический, культурный и социальный конструкт. К тому же, добавляет историк, «нам следует освободиться от западнического буркхардтовского допущения, что индивидуальное самосознание родилось в некоем определенном месте, Италии, и в определенное время...»⁴⁰¹.

Если подытожить развернувшуюся в 1980–90-е гг. критику старой европоцентристской версии исторически прогрессивного развития индивидуальности и субъективности, можно сделать по крайней мере два заключения. Во-первых, для многих исследователей эта версия не только бесповоротно утратила свою эвристическую ценность, но и вообще какой бы то ни было научный интерес. Во-вторых, критика дала мощный толчок

³⁹⁹ Weintraub K.J. The Value of the Individual: Self and Circumstance in Autobiography. Chicago, 1978. P. 74.

⁴⁰⁰ Burke P. Representations of the Self from Petrarch to Descartes // Rewriting the self: histories from the Middle ages to present / Ed. Roy Porter. L., 1997. P. 17-18.

⁴⁰¹ Ibid. P. 28.

для разработки иных подходов к изучению темы, основанных на новых теоретических основаниях.

Обновление 1: Понятийный аппарат

Первое обновление в этом изучении, наиболее заметное внешне, связано с изменениями в терминологическом аппарате, используемом исследователями. В результате его на смену ранее общеупотребимым понятиям стали приходить новые, конкурирующие с прежними, а иногда даже и вытесняющие их.

Субъект. Одна из таких трансформаций произошла с привычными прежде взаимосвязанными понятиями «индивиду», «человек», «личность», «Я». Теперь вместо них стало все чаще употребляться заимствованное из философии более абстрактное «субъект», несущее по сравнению с его традиционным истолкованием в рамках субъект-объектной дихотомии новую смысловую нагрузку. Субъект теперь стал пониматься не столько как агент действия, сколько как изменчивый результат влияния властных отношений. Как поясняет суть этой новой смысловой нагрузки Луи Монроз, «“субъект” – термин одновременно грамматический и политический – приобрел в последнее время популярность не просто как модный синоним слова “индивиду”». Дело именно в том, что этот термин позволяет подчеркнуть: индивиды и сама концепция “индивидуального” исторически формируются языком и обществом⁴⁰².

Нужно заметить, что мысль о сконструированности таких понятий, как «индивиду», «личность» или «Я», высказанная еще Ницше, долгое время оставалась для гуманитарного знания маргинальной – слишком самоочевидной и слишком глубоко укорененной в европейском

сознании (начиная с Декарта, или даже с раннего христианства) казалась их онтологичность. Перемены начались в 1970–80-е гг., когда – во многом под влиянием работ М. Фуко – стало приобретать авторитетность представление о том, что понятия, обозначающие человеческую субъектность, не являются отражением «объективной действительности». Индивидуальная личность стала теперь все чаще рассматриваться как результат действия определенных исторически изменчивых властных отношений в обществе, превратившись в некое разомкнутое единство, зависимое от морали и закона и трактуемое через такие понятия, как суверенность, правá, рациональность, ответственность, умственное здоровье, сексуальность. То есть из первичного «атома», вневременной онтологической характеристики стала результатом различных социальных практик подчинения и высвобождения. Это превращение принципиально изменило перспективу изучения проблемы: вместо поисков исторических форм онтологического субъекта теперь следовало осмысливать то, как субъект обретает конкретную форму через артикуляцию неопределенности в специфических социальных и исторических контекстах⁴⁰³.

Конкуренция понятия «субъект» с традиционными «человек», «индивиду», «личность» «Я», начавшаяся в рамках постструктурализма, впрочем, никогда не носила тотального характера. Она, например, наиболее отчетливо проявилась в литературной критике, но почти совсем осталась незаметной в историографии. Последнее, однако, не значит, что эта конкуренция вовсе не коснулась историков: продолжая использовать традиционный понятийный аппарат для обозначения субъектности, они все чаще стали вкладывать в старые понятия новые

⁴⁰² Монроз Л. Изучение Ренессанса: Политика и поэтика культуры // Новое литературное обозрение. 2000. № 2. С. 19.

⁴⁰³ Foucault M. Power/Knowledge. P. 97-98.

смысли. К тому же именно историки в последние годы оказались в авангарде изобретения новых обозначений свидетельств личного характера.

Egodocument, Selbstzeugnis, l'écrit du for privé, life-writing. На протяжении десятилетий они как бы «естественному образом» заимствовали соответствующие понятия из литературоведения, т.е. называли документы, которые изучали, «автобиографиями», «мемуарами», «дневниками» – в точном соответствии с обозначением литературных жанров. Примерно с 1980-х гг. ситуация начала меняться: они все чаще стали обращать внимание на то, что жанровые обозначения плохо «работают», когда их применяют к автобиографическим свидетельствам, созданным до Нового времени, и стали изобретать другие, более адекватно отражающие многообразие, историческую изменчивость и, главное, смысловое содержание этих свидетельств.

Примечательно, что это изобретение велось внутри каждой национальной историографической традиции более-менее обособлено. *Egodocument*, первое и, пожалуй, наиболее известное из понятий, призванных заменить привычные, появилось в Нидерландах еще в середине 1950-х гг. Сегодня оно получило широкое распространение в Германии, Швейцарии, Франции, Великобритании. Неологизм был придуман с тем, чтобы объединить в единое целое несколько типов источников: автобиографии, мемуары, дневники, письма личного содержания. Его автор, Жак Прессер, называл эгодокументами «те исторические источники, в которых исследователь сталкивается с “я” – или иногда (Цезарь, Генри Адамс) “он” – как одновременно пишущим и постоянно присутствующим в тексте субъектом описания»⁴⁰⁴.

⁴⁰⁴ Цит. по: Dekker R.M. Jacques Presser's heritage. Egodocuments in the study of history // Memoria y Civilización. Anuario de Historia. 2002. No 5. P. 14

В англоязычном мире понятие *ego-document* употребляется сегодня фактически в том же смысле, что и в Нидерландах. Одним из пионеров его использования здесь был упоминавшийся выше Питер Берк, говоривший о важности эгодокументов для изучения темы личности в истории и для современных споров об истории субъективности⁴⁰⁵. Оно также хорошо известно в германоязычной историографии (*Ego-Dokumente*) и франкоязычной истории литературы (*egodocument*). Впрочем, в каждом случае смысловое наполнение этого понятия имеет свою специфику. Во Франции, например, оно нередко ассоциируется со вполне конкретными жанрами национальной литературы XVII-XIX вв.: письмами (*lettres*), дневниками (*journaux intimes*), путевыми заметками (*relations de voyage*), *livres de raison*, мемуарами (*mémoires*), и его употребление обычно обходится без специального теоретизирования. В Германии, напротив, осмысление того, что следует понимать под эгокументом в 1990-е гг. вылилось в оживленную дискуссию⁴⁰⁶.

Тогда же, в 1990-е гг., немецкими историками было введено в научный оборот новое понятие – «свидетельство о себе» (*Selbstzeugnis*). Произошло это в значительной мере благодаря опубликованной в 1994 г. небольшой теоретической статье Бенигны фон Крузенштерн с выразительным названием: «Что такое свидетельства о себе?»⁴⁰⁷. Исследовательница, занимавшаяся в то время изучением личных документов времен Тридцатилетней войны, попыталась уяснить, что именно интересует ис-

⁴⁰⁵ Burke P. Op. cit. P. 21-22.

⁴⁰⁶ См. особенно: Ego-Dokumente. Annäherung an den Menschen in der Geschichte / Hg. W. Schulze. Berlin, 1996.

⁴⁰⁷ Krusenstjern B. von. Was sind Selbstzeugnisse? Begriffskritische und quellenkundliche Überlegungen anhand von Beispielen aus dem 17. Jahrhundert // Historische Anthropologie. Kultur. Gesellschaft. Alltag. Köln, 1994. Heft 2. S. 462-471.

торика в разного рода текстах, написанных от первого лица, и как этот интерес соотносится с их общей формой/жанром. В итоге она пришла к выводу, что вопрос о том, является ли тот или иной документ «свидетельством о себе», не имеет большого смысла, если мы будем обращать главное внимание на его форму. Например, в письме могут присутствовать как разнообразные сторонние сведения, малоинтересные историку, пытающемуся понять мир человека прошлого, так и то, ради чего, собственно, он ведет поиск – события индивидуальной биографии, размышления о жизни, описания собственных переживаний, раздумий. Именно это личное, говорящее о человеке (но не документ в целом) и является, согласно Круценштерн, «свидетельством о себе». С конца 1990-х понятие *Selbstzeugnis* постепенно стало все более настойчиво оттеснять на задний план другие, традиционно использовавшиеся немецкими учеными, однако за пределами немецкоязычного мира оно оказалось мало востребованным.

Заметное обновление терминологического аппарата историков в это же время происходит во Франции. В последние два десятилетия здесь прочно вошло в научный лексикон новое понятие *l'écrit du for privé* (сочинение частного характера?), впервые использованное в 1980-е гг. Мадлен Фуазиль в третьем томе «Истории частной жизни», вышедшем под редакцией Филиппа Арьеаса и Жоржа Дюби. Написанный ею раздел назывался “*l'écriture du for privé*”⁴⁰⁸ (в английском переводе – «the literature of intimacy»). Понятие оказалось востребованным в 1990-е гг. в ряде французских изданий и в следующем десятилетии стало ключевым для нескольких междисциплинарных исследовательских проек-

⁴⁰⁸ Foisil M. L'écriture du for privé // *Histoire de la vie privée*. T. 3: *De la Renaissance aux Lumières*. P., 1986. P. 331-369.

тов⁴⁰⁹. В связи с его употреблением можно отметить два момента: во-первых, *l'écrit du for privé* трактуется во Франции более широко, чем *egodocument*; во-вторых, французские историки и литературоведы не стремятся этому неологизму научную строгость или хотя бы дать сколь-нибудь ясное его определение.

В эти же годы терминологические новации происходят и в англоязычном мире. Здесь стало широко использоваться новое, более общее понятие «жизнеописание» (*life-writing*), объединяющее то, что традиционно понималось как «автобиография» и «биография». Употребление его было закреплено в концепции двухтомной «Энциклопедии жизнеописаний»⁴¹⁰ и в последние годы получило распространение в различных междисциплинарных исследованиях, в особенности в США. Впрочем, в англоязычной научной литературе широко используются и заимствованный из лексикона литературных критиков термин «рассказ о себе» (*self-narrative*), и англоязычные аналоги терминов, употребляемых их континентальными коллегами: *ego-document*, *self-testimony*, *first-person writing*.

Обновление 2: Автобиографический субъект

Проблематизация понятия субъекта в постклассической философии, в частности его растворение в языковых играх, социальных практиках, ритуалах и т.д., а

⁴⁰⁹ Au plus près du secret des coeurs? Nouvelles lectures historiques des écrits du for privé en Europe du XVIe au XVIIIe siècle / Ed. J.-P. Bardet, F.-J. Ruggiu. P., 2005; Les écrits du for privé: Objets matériels, objets édités. Actes du colloque de Limoges 17 et 18 novembre 2005 / Ed. J.-P. Bardet, F.-J. Ruggiu. Limoges, 2007; см. также материалы на сайте: <http://www.ecritsduforprive.fr/>

⁴¹⁰ Encyclopedia of Life Writing. Autobiographical and Biographical Forms / Ed. M. Jolly. 2 vols. L.; Chicago, 2001.

также появление в ней новых концептов субъективности⁴¹¹, имели своим следствием переосмысление традиционной трактовки отношений между субъектом и автобиографией. Установление новых связей между ними стало одной из важнейших и наиболее спорных тем в дискуссиях исследователей последних десятилетий XX в. Дело в том, что именно в это время в философии с неизданной ранее остротой встал вопрос о цельности субъекта и его онтологичности, а в литературной критике на стала очевидной необходимость проведения четких различий между понятиями «автор», «писатель», «пишущий», «рассказчик» и «главный герой». В эти же годы литературные критики стали доказывать, что содержание и структура автобиографического рассказа определяется не только (а порой и не столько) его личностью, происшедшими с ним событиями, но и конкретными языковыми нормами, жанровыми канонами, культурными матрицами. В результате традиционно очевидные отношения между автобиографическим рассказом и его создателем превратились в проблему. Сторонники крайней точки зрения в развернувшихся дискуссиях утверждали: искать автобиографического субъекта (автора, рассказчика, главного героя) вне пределов текста бесперспективно в принципе, поскольку сама субъективность создается именно в процессе письма. «Мы считаем, что жизнь *производит* автобиографию наподобие действия, производящего его следствие, но не можем ли мы допустить, с той же степенью достоверности, что автобиографический проект может сам произвести и определить жизнь?» – задает один из них вопрос, звучавший явно риторически⁴¹².

⁴¹¹ См. об этом: Дьяков А.В. Проблема субъекта в постструктуралистской перспективе: Онтологический аспект. М., 2005.

⁴¹² Man P. de. Autobiography as De-facement / Modern Language Notes 1979. Vol. 94. P. 920.

Сам феномен автобиографии в постструктуралистской критике стал, таким образом, пониматься принципиально иначе: из свидетельства о Я автора он превратился в один из «дискурсивных типов», в котором авторское Я (*autos*) сводится к грамматической категории лица или, в лучшем случае, сопрягается с понятиями «интенциональность» и «действующее лицо». Проблема «смерти автора», о которой сначала говорили применительно к литературным произведениям вообще (Р. Барт), теперь актуализировалась в связи сочинениям автобиографического жанра⁴¹³. В новой эпистемологической ситуации исследовательский анализ стал переноситься с *autos* на особенности автобиографического дискурса (*grapho*) или вообще на восприятие автобиографического текста читателем. Понятию же о рассказчике-субъекте как некоей части внетекстовой действительности, порождающей автобиографические смыслы, в ней просто не оставалось места. Параллельно с привычной двухчастной эпистемологической моделью (субъект как онтологическая реальность и автобиография как отражение этой реальности) в гуманистическом знании, таким образом, возникла новая, предлагающая трактовать автобиографию и субъективность как динамическое единство – «автобиографический субъект».

Тот факт, что в постструктуралистской критике Я автобиографического текста превратилось в языковую конструкцию, лишь отдаленно связанную с конкретным человеком, не мог не оказать влияния на историков. Восприняв в большей или меньшей степени ее откровения, многие из них отошли от традиционного прочтения личных свидетельств как «источников», созданных спе-

⁴¹³ Springer M. Fictions of the Self: The End of Autobiography // Autobiography: Essays Theoretical and Critical / Ed. by J.Olney. Princeton, 1980. P. 321-342.

циально для того, чтобы сообщить им о личности их авторов. Отказавшись от попыток получить прямой доступ к историческому субъекту, они обратились к исследованию социальных и культурных конвенций, формирующих ту или иную модель автобиографического нарратива, к анализу ее особенностей, связей с другими и т.д. Фигура создателя этого нарратива (в классической историографической традиции – автора исторического источника, передающего сведения о том, «как было на самом деле»), таким образом, отодвигалась на задний план.

Впрочем, необходимо добавить, что несмотря на эти постструктуралитские новации, значительно усложнившие эпистемологическую составляющую проблемы, огромное большинство сегодняшних исследователей автобиографических сочинений настойчиво продолжают попытки проникнуть с их помощью в мир человека другой эпохи. К тому же сам язык современного европейца в рассказе о других людях не может обойтись без таких понятий, обозначающих субъективность, как «индивиду», «личность», «Я». Иными словами, рассмотрение истории европейского субъекта как некоей онтологической части исторической действительности сегодня по-прежнему остается актуальным. Точно так же, как и рассмотрение истории автобиографии в качестве важнейшего свидетельства его существования и исторических трансформаций в веках.

Обновление 3: Транскультурная перспектива

Критика западоцентризма в изучении истории субъективности и истории автобиографии, начавшаяся в 1980-е гг. под влиянием антропологических и постколониальных исследований, а также обнаружение учеными множества личных свидетельств в арабской, японской,

византийской и других письменных традициях, не только показала его ограниченность, но и поставила на повестку дня необходимость выработки иных подходов к анализу их многообразия.

Наиболее развернутая и теоретически обоснованная программа работы в этом направлении была предложена в начале 2000-х в исследовательском проекте Берлинского свободного университета «Рассказы о себе в транскультурной перспективе» (руководители Клаудиа Ульбрих и Габриэла Янке)⁴¹⁴. Главная ее идея состоит в том, что автобиографические свидетельства необходимо рассматривать в тех конкретных историко-культурных контекстах, в которых они появлялись и функционировали, а их создание – как особые формы человеческой деятельности, в том или ином виде присущие разным историческим периодам и культурам. Такая перспектива, по мнению немецких ученых, дает возможность отказаться от искаженного взгляда на проблему с позиции современного европейца и глубже осмысливать различные исторические формы, в которых индивидуальная жизнь человека превращалась в письменный рассказ. Подход, согласно которому личные документы соотносятся с понятием «индивидуальность» и рассматриваются в парадигме «развития индивидуализма», в этой программе категорически отрицается на том основании, что он дает искаженную картину неевропейских культур и сводит обсуждение их особенностей к «недостаткам» и «отставании в развитии». Ее разработчики исходили из того, что методология транскультурного анализа позволит «открыть пути осмысления различных возможностей

⁴¹⁴ См. материалы проекта на сайте: <http://www.fu-berlin.de/dfg-fg530/index.html>

описания Я как в европейских, так и в неевропейских эгодокументах»⁴¹⁵.

Работа над проектом, в которой участвовал большой интернациональный коллектив, оказалась весьма плодотворной. Важным ее результатом стал сборник статей «От индивида к личности: Новые концепты в области теории автобиографии и изучения свидетельств о себе»⁴¹⁶. В его вводной статье было предложено развернутое теоретическое обоснование новой методологии изучения проблемы и соответствующий ей новый понятийный инструментарий. Прежде всего, «чтобы освободиться от скрытого балласта допущений, которые несут в себе понятия индивид, Я и субъект», Ульбрих и Янке предложили использовать понятие «личность» [Person], в немецком языке (в отличие, добавим, от русского), не нагруженное культурно значимыми смыслами. Соответственно и общая задача проекта определялась ими не как историзация понятий индивид, Я, субъект, а как поиск содержания понятия «личность» в различных эпохах, культурах, ситуациях. «По существу, – поясняют они, – речь идет о претензии на то, чтобы в первую очередь раскрыть содержание свидетельств о себе в их собственных контекстах, и о стремлении избежать директивных установок, которые, например, несет с собой ссылка к буркхардтовскому понятию рождения индивида». Сделать это, полагают исследовательницы, можно перенеся внимание с индивида на отношения, как этого требуют постмодернистские исследования автобиографий: «если отказаться от вопроса об индивиде как о

⁴¹⁵ Jancke G. History of the Research Group "Self-Narratives in Transcultural Perspective" // Zeitenblicke. 2002. No 1-2 (www.zeitenblicke.historicum.net).

⁴¹⁶ Vom Individuum zur Person. Neue Konzepte im Spannungsfeld von Autobiographietheorie und Selbstzeugnissforschung / Hrsg. G. Jancke, Cl. Ulrich. Göttingen, 2005.

точке отсчета, изменятся вопросы, а вместе с этим и ответы»⁴¹⁷.

«Ученые, – разъясняется в исследовательском проекте группы, – долгое время считали "автобиографию" специфически западным жанром и соотносили ее со специфически западными представлениями об "индивидуальности" или "универсальной" абстрактной личности. Такого рода формулировки тяготеют к представлению о модернизации как о процессе рождения автономного индивида с одной стороны и рыночного капитализма с другой. Современная наука... показала неадекватность этих специфически западных понятий. В результате исторические исследования рассказов о себе выработали ряд новых подходов к этим источникам, рассматривающих в качестве аналитического фокуса пишущего субъекта как активного действующего лица в контексте ее или его социальных и культурных отношений»⁴¹⁸. Наиболее эффективным из этих подходов Ульбрих и Янке считают «тематизацию "рассказа о собственной жизни" в разных культурах, в разные периоды, в разных регионах и в разных контекстах». Суть этой тематизации (исследовательницы используют лингвистический термин) и ее возможные результаты разъясняются следующим образом: «...Такого рода исследование должно разрушить укоренившееся представление – особенно известное применительно к Западу, но также часто применяемое по отношению к другим культурам, – что развитие индивидуальности и автобиографии тесно связаны и взаимозависимы. Это ошибочное представление должно уступить место открытой встрече с

⁴¹⁷ Ibid. S. 16-17.

⁴¹⁸ URL.: <http://www.fu-berlin.de/dfg-fg/fg530/>

конкретным понятием “личность”, как оно формулируется в каждом рассказе о себе»⁴¹⁹.

Обновление 4: Автобиография как социальная практика

Последнее из обновлений, о которых пойдет речь, тесно связано с теоретическими новациями проекта Берлинского свободного университета. Оно было предложено сравнительно недавно и до сих пор не привлекало существенного внимания исследователей. Возможно, одной из причин этой его сравнительной малоизвестности является то, что в нем внимание акцентируется на историческом исследовании проблемы, а традиционно доминирующий литературоведческий анализ автобиографических текстов, наоборот, отодвигается на второй план. Главное в этой новой методологии – анализ находящейся «за» этими текстами социальной действительности, не только порождающей их смыслы, но и само их появление.

Инициатором и главным сторонником интерпретации автобиографии как социальной практики стала Габриэла Янке, опубликовавшая в 2002 г. монографию, в которой была сформулирована проблема соотношений между свидетельствами о себе и конкретными истори-

⁴¹⁹ Ibid. Второй сборник статей группы Ульбрих-Янке, продолжающий и углубляющий разработку новой методологии транскультурного исследования автобиографических свидетельств, акцентирует внимание на изучении проблемы с помощью универсальной категории «пространства»: Räume des Selbst. Selbstzeugnissforschung transkulturell / Hg. Andreas Bähr, Peter Burschel, Gabriele Jancke. Köln: Böhlau, 2007.

ческими обстоятельствами, в которых они появились⁴²⁰. И хотя она исследовала вполне конкретную группу текстов – автобиографические рассказы в германоязычном мире раннего Нового времени, – ее выводы и разработанная ею методология анализа, безусловно, открыли широкие возможности для изучения автобиографических свидетельств других исторических регионов и эпох⁴²¹.

Для наглядной демонстрации этой новой исследовательской перспективы в одной из своих работ Янке обращается к краткой автобиографии Николая Кузанского, написанной им на латыни в 1449 г. и содержащей сухие отрывочные сведения о его жизни. Современный читатель, знакомый с личными свидетельствами Нового времени, вполне может заключить, что Кузанец просто еще не умел рассказывать о себе так же подробно и увлекательно, как, скажем, Руссо или Гете. Однако такое заключение, замечает исследовательница, будет малопродуктивно для понимания этого текста. Лучше обратить внимание на то, в какой форме эти сведения по даются рассказчиком и особенно на его избирательность: почему он упоминает одни сведения и опускает другие? Ответ на этот вопрос, по Янке, очевиден: Кузанец представлял в тексте свое Я (точнее, отдельные его стороны) совсем не для того, чтобы сегодняшние читатели имели возможность выносить о нем свои суждения. Это представление происходило в исторически-конкретном времени и месте и было частью процесса

⁴²⁰ Jancke G. Autobiographie als soziale Praxis. Beziehungskonzepte in Selbstzeugnissen des 15. und 16. Jahrhunderts im deutschsprachigen Raum. Cologne-Weimar-Vienna: Böhlau, 2002.

⁴²¹ Zaretskiy Y. Pain and Healing in the First-Person Narrative, Historically Speaking (Available at SSRN: <http://ssrn.com/abstract=1996397> or <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.1996397>)

коммуникации с другими людьми. В ходе этой коммуникации как раз и формировался вполне определенный, нужный автору на тот момент образ его Я. «Таким образом, – заключает Янке, – его автобиография является социальной практикой, подразумевающей наличие некоей публики, причем само действие совершается в определенное время, в определенной личной ситуации и является частью определенного социального контекста»⁴²².

Внимание исследователя автобиографического свидетельства, настаивает она, должно концентрироваться на ситуации написания текста как процесса коммуникации, «на времени, в котором писали авторы, а не на времени, о котором они писали»⁴²³. Тогда тексты выступят как социальные поступки их авторов, а сами авторы предстанут не как абстрактные индивиды (что считается само собой разумеющимся при традиционном взгляде), а как общественные существа, относящиеся к конкретной социальной, профессиональной, религиозной, гендерной группе и действующие внутри определенных социальных контекстов и связей.

Такое новое понимание соотношения текста и контекста ведет к принципиально важным выводам исторического, методологического и теоретического характера. «Во-первых, – подытоживает Янке, – мы не можем продолжать рассказывать историю рождения западного индивида (по крайней мере, в связи с автобиографическими сочинениями). Во-вторых, ...мы должны будем рассматривать контексты, ситуации и стратегии. В-третьих, ...такой подход будет также иметь последствия для

⁴²² Jancke G. Autobiography as Social Practice in Early Modern German-Speaking Areas. Historical, methodological, and theoretical perspectives // Autobiographical Themes in Turkish Literature: Theoretical and Comparative Perspectives / Ed. O Akyıldız, H. Kara, B. Sagaster. Würzburg, 2007. P. 66.

⁴²³ Ibid. P. 67.

нашего понимания автобиографии как литературного жанра, являющегося частью широкого поля различных способов автобиографического письма и непосредственно вовлеченного в значимые социальные связи»⁴²⁴.

***

Обозначенные выше обновления, конечно, не исчерпывают всего многообразия теоретических поисков в осмыслиении двух «историй»: субъекта и автобиографии. Совершенно очевидно также, что они не имеют директивного характера – вопрос принять или не принять ту или иную, конечно, остается делом каждого исследователя. Хочется только надеяться, что этот исследователь, по меньшей мере, будет с ними знаком – собственно, для этого и написан этот обзор.

⁴²⁴ Ibid. P. 71.

